

Глава 1 - Возрождение самозванца

Хуже этой жизни не бывает.

Подброшен на порог детского дома сразу после рождения.

Слабый и болезненный, он тянул лямку до шести лет — пока семья Нин не нашла его. Ему казалось, что наконец-то он идёт домой.

Однако всего через три месяца после «возвращения домой» выяснилось, что всё это было ошибкой. Семья Нин — не его семья; настоящий молодой господин нашёлся, а он... оказался коварным самозванцем, присосавшимся к богатой семье.

Самозванец — низкий и бесстыдный от природы — продолжал цепляться за семью Нин даже после возвращения настоящего наследника. Был ли шестилетний мальчик слишком очарован богатством, чтобы вернуться в детдом, или семья Нин не отпускала его ради репутации — посторонних это не касалось.

В глазах окружающих самозванец намертво прилип к семье Нин, бесстыдно прожив там больше десяти лет, а затем, опоив шестого молодого господина семьи Хэ, пробрался к нему в постель.

Между семьями Хэ и Нин существовал брачный договор, заключённый ещё предками. По нему шестой молодой господин должен был обручиться с молодым господином семьи Нин — настоящим, а не самозванцем.

После того как самозванец залез в чужую постель, брачный договор между двумя семьями, разумеется, утратил силу.

Но на этом история не закончилась: самозванец — мужчина — вдруг забеременел.

Мало того что забеременел — чтобы принудить шестого молодого господина жениться на нём, он угрожал вскрыть себе вены, заодно предав огласке беременность. В итоге ему это удалось: беременность стала рычагом, с помощью которого он вышел замуж в эту семью.

Такой коварный, бесстыдный самозванец, которого недолюбливали с детства, в конце концов умер молодым от тяжёлых родов — не повод ли это для радости?

Повод для радости... для других, разумеется.

Нин Ичу, тот самый самозванец, лежал один в больничной палате в последние минуты жизни. Перебирая в памяти свою короткую и жалкую жизнь, он не находил в ней ни капли радости.

В оцепенении и растерянности мысль о том, что умирать приходится вот так — беспомощно и жалко, — наполняла его горькой обидой.

Почему...

И вдруг — словно сознание его пересекло какое-то таинственное измерение — Нин Ичу узнал сюжет романа о богатой семье целиком.

Осознав, что он всего лишь недолговечное пушечное мясо в этой книге — существо, которому суждено быть брошенным, подвергаться сомнениям, сравнениям и презрению, служить ступенькой к счастливой жизни главных героев, — Нин Ичу почувствовал ещё большее желание смеяться.

Но... подумал он, если бы ему дали ещё один шанс — он всё равно хотел бы жить.

Даже если этот мир не рад ему, он всё равно хотел бы жить.

Цепляясь за эту последнюю мысль, Нин Ичу окончательно потерял сознание.

Голоса, звучавшие в ушах — насмешливые или лицемерные, — смолкли.

Однако в реке жизни, которая должна была иссякнуть навсегда, Нин Ичу — словно плывя по её течению — вдруг снова открыл глаза.

Как рыба, едва не задохнувшаяся без воды, упавшая в обморок и вернувшаяся к жизни, когда её вернули в родную стихию.

Рыба взмахнула хвостом, подняв рябь жизни в своём сердце.

Нин Ичу сидел в своей спальне глубокой ночью, осматривал комнату и инстинктивно поднёс руку к груди.

Сквозь тонкую грудную клетку билось сердце.

В голове ещё клубился туман, но рука уже потянулась к телефону, лежавшему рядом.

Включив экран, он увидел дату — на полгода назад. На полгода раньше той ночи, когда он скончался в больнице от преждевременных родов, тяжёлых осложнений и несмотря на все усилия врачей.

Нин Ичу приподнял подол пижамы и посмотрел на живот.

В то время срок был всего три месяца, живота ещё не было видно. Живот по-прежнему выглядел плоским — без уродливого шрама от кесарева сечения...

Нин Ичу моргнул, одёрнул одежду и снова взглянул на дату на экране телефона.

Он не знал, какая сила дала ему этот шанс, но он возродился. Правда, дата возрождения оказалась на редкость неудачной.

Он помнил этот день. Это был день после того, как они с Хэ Шисяем зарегистрировали брак, — первая ночь, которую он провёл в доме Хэ, куда Хэ Шисяй привёз его и куда он переехал...

При мысли о Хэ Шисяе, семье Хэ, семье Нин... и об оригинальном сюжете книги — на душе у Нин Ичу стало неприятно.

Но, глядя на себя — целого, получившего второй шанс, — он не мог окончательно впасть в уныние.

Само по себе возрождение поражало. Думать сейчас о том, умрёт ли он снова через полгода, как в оригинальном сюжете, не хотелось — это было бы слишком тяжело.

За все прожитые годы хорошего случалось мало. Пусть возрождение пришло после смерти — оно всё равно было хорошим. Хорошим — и принадлежащим только ему. Нужно радоваться.

Нин Ичу поднялся с ковра — он сидел на полу у кровати — и прошёл к кулеру в спальне, чтобы налить воды.

Внешне он выглядел спокойно, но внутри всё было куда более бурным.

В нём поднималось что-то похожее на прилив желаний — мыслей о жизни, обо всём на свете, — широкое и размытое, плавающее в душе без чётких очертаний, неясное, зримым оставалось лишь само ощущение.

Этот хаотичный всплеск эмоций будоражил его, требовал выхода, и Нин Ичу не знал, что с этим делать.

Оставалось только пить воду и успокаиваться — глотать эти чувства обратно, осаждайте их на дно, освобождая голову, чтобы трезво и спокойно обдумать, что делать дальше.

Он не успел допить и полстакана, как дверь спальни резко распахнулась снаружи.

Нин Ичу инстинктивно обернулся: на пороге стоял Хэ Шисяй — тяжело дыша.

Увидев Нин Ичу, Хэ Шисяй замер. Торопливость его куда-то делась; он просто смотрел на Нин Ичу в упор, долго не произнося ни слова.

Нин Ичу чуть моргнул.

Только что возродившись и ещё не справившись с волнением, он тем не менее сразу почувствовал: Хэ Шисяй, возможно, тоже возродился.

Потому что в прошлой жизни ничего подобного не было.

Спальня, которую Хэ Шисяй занимал в старом особняке семьи Хэ, была очень большой — скорее небольшая квартира. За дверью сначала шла маленькая гостиная, а за ней три двери: в спальню, кабинет и ванную.

Несмотря на зарегистрированный брак — нелепый по своей сути — они не спали вместе. Когда Нин Ичу переехал в дом Хэ, Хэ Шисяй отдал ему спальню, а сам устроился в кабинете.

В эту же ночь в прошлой жизни Хэ Шисяй не врвался к нему вот так — внезапно, в спешке и без стука.

Нин Ичу даже уловил в его растерянном взгляде что-то похожее на радость — почти как «вернул то, что считал потерянным».

Значит, он возродился не один?

Что ж. Уникальные вещи, судя по всему, никогда не достаются ему одному.

Знает ли Хэ Шисяй об оригинальном сюжете книги? Узнав, что и он тоже всего лишь ступенька в жизни главной пары, обречённый умереть молодым, — что он думает?

Пока Нин Ичу опустил взгляд и унёсся мыслями куда-то в сторону, Хэ Шисяй вошёл в комнату.

— Я... в кабинете негде лечь. Можно, я тоже посплю в спальне? — выговорил Хэ Шисяй, запнувшись на полуслове.

Осознав, что возродился не он один, Нин Ичу почувствовал, как недавний эмоциональный накал разом опал. Без особого интереса он поставил стакан, подошёл к панорамному окну и просто опустил на ковёр.

Привалившись к стеклу и прижавшись щекой к прохладной поверхности, Нин Ичу смотрел на ночной пейзаж за окном, не издавая ни звука, — словно Хэ Шисяя не существовало.

Ответа не последовало. Взгляд Хэ Шисяя следил за движениями Нин Ичу; увидев, что тот неподвижно сидит на полу, он немного помедлил, а затем всё же подошёл.

Присев перед Нин Ичу на корточки, Хэ Шисяй смягчил голос.

— Я слишком навязался? Если не хочешь — просто скажи прямо. Не сиди на полу. Иди в кровать, уже поздно. Я пойду обратно в кабинет. Можешь запереть спальню... Я больше не буду врываться без стука. Прости.

Нин Ичу молча смотрел на него.

У левого уголка его глаза была крошечная красная родинка — такая маленькая и близкая к краю века, что издали почти не заметная. Но вблизи она казалась кровавой слезой, вот-вот готовой вытечь, — от неё не хотелось отводить взгляд, как и от самих глаз.

Глаза у Нин Ичу были очень красивыми — с необыкновенно тёмными зрачками. Когда он смотрел на человека, казалось, будто в них отражаются все его мысли, и люди невольно боялись встречаться с ним взглядом слишком долго — как будто под этим взглядом пропадала всякая решимость говорить.

При этом непроглядно-чёрные глаза надёжно скрывали чувства самого Нин Ичу — ни малейшей зацепки.

Вот и сейчас: Хэ Шисяй смотрел на бледное, но поразительно красивое лицо Нин Ичу, на его глаза — и чувствовал, будто собственные мысли у него как на ладони, тогда как что творится в душе у Нин Ичу — по-прежнему загадка.

Он негромко кашлянул и спросил снова.

— Или это потому, что ты переехал сегодня и ещё не привык, поэтому не можешь заснуть?

Нин Ичу по-прежнему молчал — только смотрел на него, не отрываясь.

У Хэ Шисяя непонятно с чего вспотели ладони. Он сам не понимал, почему нервничает. Поспешно отведя взгляд, он больше не решался смотреть Нин Ичу в глаза.

— Не хочешь со мной разговаривать? Это нормально... Тогда не буду мешать тебе отдыхать. — С этими словами Хэ Шисяй сделал движение, собираясь встать и уйти.

Но едва он начал подниматься, не успев договорить фразу до конца, Нин Ичу вдруг бросился вперёд и врезался в его объятия.

Хэ Шисяй инстинктивно подхватил Нин Ичу, потеряв от неожиданности равновесие и упав на ковёр. И тут же губы Нин Ичу прижались к боковой стороне его шеи.

Хэ Шисяй на миг оцепенел — и в следующую секунду ощутил острую боль: Нин Ичу впился в него зубами.

Нин Ичу сам не понимал, что делает, но в душе у него скопилось столько не выплеснутого раздражения, что смотреть на Хэ Шисяя было злее и злее.

Он сжал зубы — и скоро почувствовал вкус крови.

Лишь тогда Нин Ичу, у которого не было никаких вампирских наклонностей, пришёл в себя. Он разжал зубы, отвернулся и сплюнул кровь.

На боку шеи Хэ Шисяя остался свежий след укуса; кровь сочилась вниз, пятная воротник пижамы, — вызывающе заметная.

Укус, конечно, был болезненным, но Хэ Шисяй не обратил на это никакого внимания.

Он поднял руку и тихонько провёл ладонью по волосам Нин Ичу, который всё ещё полулежал на нём.

— Прости...

Нин Ичу тоже поднял руку и небрежно вытер оставшуюся кровь с губ рукавом.

Затем поднял глаза и совершенно спокойным тоном произнёс первые слова, сказанные им Хэ Шисяю с момента возрождения.

— Кажется, я никогда тебе этого не говорил. Когда мы подписывали свидетельство о браке, я в тот момент думал: «Хоть бы ты упал замертво прямо сейчас».

Пальцы Хэ Шисяя на секунду замерли — и снова принялись перебирать мягкие волосы Нин Ичу.

— Хм. В конце концов, брачного договора мы не подписывали, и завещания у меня нет. Умри я сразу после свадьбы — ты бы унаследовал моё состояние.

Нин Ичу тихо усмехнулся.

— Верно. Но потом я перестал так думать.

Слово «потом» звучало так, будто с момента свадьбы прошло немало времени, — хотя по нынешней точке отсчёта это был лишь второй день после регистрации брака.

Хэ Шисяй не стал заострять внимание на этой лёгкой странности и просто продолжил в тон ему.

— Потому что в семье Хэ слишком много народу и не хочется лишних хлопот?

— Нет, — ответил Нин Ичу. — Я решил, что думать так — слишком мелко.

Он посмотрел на Хэ Шисяя, и уголки его губ слегка приподнялись.

— Раз уж это всё равно сон — зачем мечтать о малом? Одна твоя смерть — слишком ничтожно. Конечно, лучше было бы, чтобы все из обеих семей — и Хэ, и Нин — умерли разом. Тогда по закону о наследовании остался бы один я — и унаследовал бы всё имущество обоих кланов. Только от этой мысли уже хорошо на душе.

Для вас старалась команда Webnovels ☐

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/17086/1594451>